

A close-up, high-contrast portrait of a man with a beard and intense gaze, serving as the background for the text.

Борис Кузнецов

На бульваре Кереселидзе

18+

Борис Кузнецов

На бульваре Кереселидзе

«Автор»

2026

Кузнецов Б. Л.

На бульваре Кереселидзе / Б. Л. Кузнецов — «Автор», 2026

Цели:1. Укрепление психосоматического состояния в условиях высокого напряжения.2. Пробуждение гражданской ответственности.3. Призыв к научной устойчивости на основе синергетики.Практическое назначение:воспитание жизнестойкости, патриотизма, активности населения страны;расширение научного кругозора населения страны.Книга содержит интервью с населением, учёными, участниками СВО.Книга написана в городе Набережные Челны и посвящается 50-летию пуска в строй действующих Камского комплекса заводов по производству большегрузных автомобилей, для населения и молодежи.

© Кузнецов Б. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. На бульваре Кереселидзе	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

На бульваре Кереселидзе

Глава

На Бульваре Кереселидзе

Оглавление

Глава 1. На бульваре Кереселидзе.

Глава 2. Ищу новое мышление

Глава 3. Преодолеваю страх

Глава 4. Освобождение

Глава 1. На бульваре Кереселидзе

Наконец после яростной снежной зимы наступила ласковая и солнечная весна, и я стал выходить в сквер-бульвар Кереселидзе, чтобы посидеть, наконец, на солнышке, погреться, поразмышлять о вечном.

В то утро на небе не было ни одной тучки. Наше ярило извинялось за причиненные неудобства.

До сквера мне было ровно 147 шагов от подъезда моего дома. В сквере уже можно было сесть на скамейку. На детской площадке бабушки привели внуков, и эта ватага детей наполняла просыпающийся сад веселым шумом.

Едва я сел, к моей скамейке подошла пожилая женщина с раскормленным мальчиком лет десяти. Бабушка вопросительно посмотрела на меня, как бы спрашивая, – не помешают ли они с внуком моему комфорту.

– Садитесь, не мешаете, – сказал я.

– Спасибо, – сказала она мне и показала внуку, – Иди, Миша, поиграй с ребятами.

Мальчик отошел от скамейки и остановился. Вынул из кармана пальто смартфон...

Женщина присела на скамейку.

Включился смартфон в руках мальчика. Раздается голос президента США Трампа в смартфоне:

– Я еще не начал. У меня еще тысячи ракет. Я могу воевать вечно.

Потом в смартфоне зазвучала веселая макарена. Потом диктор телевидения сообщил, что демонстрируемые на экране экскаваторы роют могилу для 165 девочек, убитых ракетой США в одном из городов Ирана...

Женщина обратилась ко мне, показывая на внука:

– Ну что это за боец Красной Армии? Ему 10 лет, а у него зад в два раза шире, чем у меня. В 10 лет мы уже картошку копали и таскали домой, а он пришел на детскую площадку и стоит как истукан.

Женщина явно обращалась за поддержкой к нашему поколению.

– Да, – сказал я, – у русских был обычай пороть семилетних мальчиков розгами, вымоченными в солевом растворе не потому, что он сделал какую-то ошибку, а в воспитательных целях, чтобы рос настоящим мужчиной и презирал физическую боль.

– Неужели такое было? – неуверенно сказала женщина.

– Да, было, – подтвердил я.

– А Вы откуда это знаете? Ведь сейчас, его заставлять пол вымыть в своей комнате невозможно, он скажет, что пожалуется кому-то и мне будет плохо. Ничего делать не хочет. Только смартфон.

Мы молча посидели.

– «Мне пох...», «мне пох...» поет певица Кока. Вы думаете семилетние не понимают, что она поет? – спросил я.

Женщина нервно дернулась.

– Вот такую музыку они слушают. Что в ней они находят? Одна Мария Шукшина возмущается. Или «я живу, как я хочу» звучит целый день. Они это быстро усваивают.

Чувствуется, женщина не простушка.

– Как молодежь-то воспитывать? Сталина надо. Распустили все. А у вас внуки есть?

– Есть. Они инженеры и врачи. Но я с вами согласен. С молодежью надо работать активно. Русские должны задуматься, что с нашей молодежью происходит.

Лично я кое-чему научился у этой женщины на бульваре Кереселидзе.

Пока мы разговаривали с бабушкой к Мише, который стоял чуть в стороне, подошел мальчик лет двенадцати и взял у него смартфон. Увидев это, бабушка бросилась к мальчику и попыталась отобрать Мишин смартфон. Мальчик обматерил бабушку. Бабушка упала. Я вскочил со скамейки. Мальчик бросил смартфон и побежал прочь. Помог бабушке подняться. Она стала благодарить меня.

– Сейчас в школе они могут толкнуть и обзывать учительницу матом. И девочки матерятся как парни, – оправдывалась бабушка.

– Да, печально это. Молодежь больна. Вас проводить?

– Нет, нет не надо. Дойдем. Мы не далеко живем.

– Будьте внимательны. Спрячьте подальше. Парнишка может еще раз напасть.

– Спасибо, спасибо Вам.

Бабушка с внуком медленно пошли домой. Бабушка оглядывалась. Я проводил ее до входа в подъезд дома.

На бульвар Кереселидзе я приходил всегда, когда мне было грустно или какое-то другое переживание заставляло меня искать одиночество.

Я выбрал скамейку подальше от шума детей и редкими прохожими и погрузился в размышления. Никакими средствами исследований, кроме публикаций, я не располагал. Но именно исследовательская работа была моей страстью. Едва я погрузился в свои грустные размышления, на мою скамейку подсел мужчина. Вначале он сидел молча, изредко посматривая на меня. Неожиданно мужчина обратился ко мне:

– Извините, но у меня вопрос, по которому мне посоветовали поговорить с Вами.

– Кто посоветовал? – спросил я.

– Вон тот с лопатой. – мужчина показал на человека, который недалеко от нашей скамейки лопатой убирал остатки снега на небольшой прогалине. Я однажды похвалил его, видя, как тщательно он убирает сквер, и он, видимо, запомнил меня.

– Меня зовут Виктор. Я преподаю в колледже. У меня двое внуков. И вот я думаю, если будет война, какую судьбу им предусмотрели? Тревожно на душе. Что я могу сделать, чтобы облегчить их судьбу. Плюнуть на комфорт и махнуть в Якутию, забиться там в какой-нибудь глухой, медвежий край или махнуть на Тянь-Шань, к Агафье Лыковой или на Северный Урал за перевал Дятлова, чтобы не видеть эту цивилизацию.

Я живу среди рабочих и знаю, народ не хочет войны. Территория Европы несколько раз уместится на территории Якутии.

– У меня тоже есть внуки, – сказал я, – и та же тревога за их судьбу. Все мы под Дамокловым мечом угрозы войны и заклинаяем «лишь бы не было войны.»

– Неужели на Земле есть люди, нет не люди, – звери, которые не понимают, что будет, если раздерутся между собой русские, китайцы, американцы... На Земле невозможно будет жить. Не раз на Земле жизнь исчезала. Когда-то была жизнь на Марсе, Венере, Европе, спутнике Юпитера, и на других планетах Вселенной. Не уберегли. Надо делать выводы.

15 марта 2026 года я пришел на бульвар Кереселидзе. Одиннадцать градусов тепла. От снега очищена большая территория парка. Большинство скамеек заняты пожилыми женщинами с внуками. В осенне-зимней одежде сидеть вполне комфортно.

Сидевшая на этой скамейке женщина с внуком, присмотревшись ко мне, и, видимо, доверившись моим очкам, слегка подвинулась в мою сторону, спросила:

– Вы, наверное, учитель? Скажите – будет война или нет? Вот мой внук Сережа. Я смотрю на него и думаю, что его ждет. У Вас есть внуки?

– Есть, - сказал я.

– Вы, наверное, тоже переживаете за них?

– Да.

– Чем они занимаются?

– Один преподает в вузе. Другой учится на врача.

– Значит тоже тревожно на душе. Вот я шла из магазина. Что сказать? В магазинах все есть. А тревожно. Сын закончил колледж. Зарабатывает. Невестка закончила институт. Работает учителем, зарабатывает. Я получаю пенсию. Накоплений никаких нет. Расплачиваемся за ипотеку по квартире и кредит за машину. Я часто болею. Сделала операцию на глаза. Сменила хрусталики. Заплатила больше двухсот тысяч рублей. Так что в долгах. Но жить можно. Лишь бы не было войны.

Женщина погрузилась в долгое молчание.

– Вот хочу зубы полечить. Но: опять сто тысяч надо. А где их взять? Говорю сыну: «Давай продадим машину». А он говорит: «Я без машины хорошую работу не найду». Сережку в школу надо возить. Марию на работу тоже нужно возить. Тебя на операции приходится возить. Я подумала – а правда, ведь без машины сейчас не обойтись.

– Тяжело, но ведь мы к этому привыкли. Мы сложились, когда Антанта и с ней четырнадцать государств, потом Гитлер с Европой; потом США с НАТО и ЕС нам гадили, но мы выжили.

– Вот-вот! Сволочи! Как они наших детей одурачивают. Страшно ребенка одного дома оставлять. Мошенники жить не дают.

Помню одну странную встречу на бульваре Томаза Кереселидзе.

Я возвращался после нормативного пешего круга в яркое солнечное утро. Остановился возле небольшого памятного монумента, изготовленного в честь лейтенанта Т. Кереселидзе, сел на скамейку, радуясь хорошей погоде.

Вскоре на противоположной стороне площадки перед монументом сел мужчина лет пятидесяти. Достал из внутреннего кармана флакон и обратился громким объяснением:

– Врач сказал: «Пей перед сном по сто грамм коньяка, а утром проходи по километру пешком. Сто лет проживёшь и про свой инфаркт забудешь. Только не спеши. Ходи спокойно и каждый день.»

Громогласный человек, как дальше выяснилось, был ещё большим любителем монологов.

– Пенсию, наверное, большую получаете? – спросил я.

– Да, пенсию я получаю хорошую. Уволен из нацгвардии по болезни в звании подполковника.

Наступил непродолжительный перерыв в его монологе, пока он отхлебывал из флакона коньяк.

– Вон там, – он махнул рукой в сторону пятиэтажки за его спиной, – живет моя мать, а сам я живу в Москве. Там у меня 3-х комнатная квартира, жена, две дочери и одна любовница.

Дом, в котором он живет на 6-ом этаже по ходу его мать, стал менять свое местоположение и стал то слева, то справа в зависимости от количества выпитого коньяка. Мужчина приближался ко мне. Подойдя близко, он протянул мне бутылку.

Я отказался. Между тем, чувствуя, что запутался в местожительстве матери, он громко прокричал рабочему, убиравшему остатки снега и мусора на дорожке:

– Антон, в каком доме жила мать Томаза Кереселидзе.

К нам подошел мужчина лет шестидесяти. Я протянул ему руку:

– Привет.

Сложилась странная компания: «полковник», уборщик мусора и снега, и профессор, смущающийся лексикона захмелевшего «полковника» (или подполковника). Лексикон чистильщика не отличался от лексикона захмелевшего «полковника». Я больше молчал, но «полковник» и «чистильщик» (как я про себя назвал подошедшего мужчину) разговорились.

Стали обсуждать судьбу офицерских жен. Судьбу офицерских жен «полковник» и «чистильщик» признали незавидной. Но признали, что при Путине стало получше (квартир стали выделять больше).

«Чистильщик» посоветовал «полковнику» меньше пить:

– Если каждый день пить коньяк, можно за месяц сжечь печень, – сказал «чистильщик».

В целом он высказывался более корректно, чем «полковник».

Мне было не совсем комфортно в обществе столь откровенных и свободных людей. Я дождался момента, когда наступил перерыв в разговоре двух корифеев бульвара Кереселидзе и собрался уходить.

– А что, профессор, устоим против укрофашистов? Как никак 52 государства против нас воюют?! – спросил «полковник». – Я тоже просился на СВО. Но меня не взяли.

– А кто тебя возьмет, если ты пьешь не просыхая, – поддел его «чистильщик».

– Да, мужики, устоим. Но пить надо меньше. – сказал я.

– А что, совсем не пьешь?

– Не пью.

– И не материшься?

– Не матерюсь.

– Таких не бывает.

Как-то, придя на бульвар Кереселидзе, я увидел, как шедший передо мной молодой человек, свернул к скамейке, присел на край скамейки и пригласил меня. Я подсел к нему, хотя пустые скамейки были. Мы посидели молча. Лицо парня было мрачновато, но одет он был прилично – в добротный костюм с галстуком.

– Воевал на Украине?

– Да, – сказал он.

– Как там? Получается?

– Там наше русское братство.

– Не было ощущения, что воюешь со своими?

– Нет. Это чужие нам люди. Я воевал там с нацизмом.

– А они понимают, что продались Западу, предали наше славянское братство?

– Думаю, что не осознали своего предательства. «Москаляку-на гиляку», «Режь руссию», «На танках проедем по Красной площади!». Это они атаковали Донецк и Луганск еще в июне 2014 года после государственного переворота. А как они зверствовали в Мариуполе, Курской области. До сих пор бомбят Белгород, Ростов, Воронеж. Наш Татарстан.

– Где сейчас работаешь?

– В школе.

– Не обижают?

– Нет. Только не люблю когда меня жалеют. Я шел добровольцем на СВО. Мне было двадцать один. Я отдавал отчет, что я делаю. Фашизм и нацизм не пройдет. У них фашистская символика на обмундировании, наколото на теле. Гитлер и Бандера – герои. Встречался с «помощниками». Много поляков. Есть прибалты. Немцы, колумбийцы, французы, чехи...

– Как наше вооружение?

– В целом хорошее. Почему-то маловато танков. Во время отечественной войны танков у нас было больше.

- С беспилотниками разобрались?
- У нас больше беспилотников.
- Кормят нормально?
- Кормят, одевают, вооружают нормально.
- Победим?
- Обязательно победим.

Молодой человек долго сидел молча. Потом обратился ко мне.

– Профессор, вы можете обсудить со мной вопрос о растущем притяжении нынешнего поколения людей к деньгам и потребительству. Что-то тревожно на душе. Есть ли сила, способная это остановить?

– Тема сверхактуальная. В стране грандиозный градиент между получающими огромные зарплаты (артисты, спортсмены, владельцы активов в таких отраслях как металлургия, машиностроение, добыча полезных ископаемых. Все это результат плоской системы налогообложения).

– И ведь что интересно – схватили огромный гешефт, лидеры контрреволюции 1991г. В России (Чубайс, Касьянов), они смываются за границу (и их отпускает правительство). За границу дунули бывшие премьер и вице-премьер правительства России, экс-министры, губернаторы, их заместители... Когда-то я читал рассказ, в котором описывалось, как Феликсу Дзержинскому, когда принесли яичницу, поджаренную на сале в голодном 1918 году, он попросил отдать ее кому-то из сотрудников, у которого была большая семья и маленькая зарплата. Насколько я знаю, Ленин получал зарплату токаря шестого разряда. У Сталина, после его смерти самыми дорогими вещами были шесть курительных трубок, а вот целых носков у него не оказалось?! Я живу среди рабочих КАМАЗа – не так уж много они получают.

– Да, я тоже живу среди рабочих КАМАЗа. У большинства есть автомобили и долги по займам и кредитам в банке, ипотеке...

– Каждый день о помощи просят родители детей, у которых нет денег на операции больным детям... Разве это справедливо? При Брежневе на операции детям не собирали деньги. Государство брало расходы на себя.

– Это было бы правильно, – согласился я.

– Почему богачам, ограбившим Россию, дают свободно выезжать из России? Чубайс, ограбивший Россию, на миллиарды долларов, спокойно уехал и ждет, когда уйдет Путин. Почему не реквизируют его имущество? Получили высшее образование при СССР при выезде на новое место жительства пусть вернут стоимость обучения. «Офицеры Чубайса» остались в России. Они еще себя покажут».

– Да, раз уж капитализм, так надо возмещать затраты на бесплатное образование и квартиры, если получали ее бесплатно...

Тагир

Бульвар Кереселидзе на завершающем этапе жизни служил мостиком, по которому ко мне поступали импульсы современной жизни. Даже больше, с бульвара Кереселидзе я получал близкие моему сердцу воспоминания. Произошло это так.

В тот день я пришел на бульвар Кереселидзе с чувством гнетущей неудовлетворенности. Я не был готов к тому, что активная жизнь заканчивается так грустно.

... Я сел на край скамейки до традиционного утреннего прохода вокруг 47 комплекса (так называются жилые кварталы в Набережных Челнах). Вроде жизнь заканчивается. Есть, что вспомнить. Кое-что сделано. Но гнетущее чувство неудовлетворенности не оставляет меня.

В глазах многих пожилых людей я вижу грусть и неудовлетворенность.

Вскоре на мою лавочку на ее центральную часть под села парочка.

Парочка стала обсуждать свой семейный бюджет. Что-то они произносили громко и внятно, что-то приглушённо и даже переходили на шёпот. Из их сложно оформленной дискуссии я только уловил, что все дорожает. Заработок есть, но его не хватает, потому что молодая семья выплачивает кредит по ипотеке на квартиру, который в народе называют «кабалой на всю жизнь».

Между тем на свободное место нашей скамейки подсел еще один человек и стал поглядывать на меня.

Молодые люди, видимо, уже специально для меня сформулировали итог – качество жизни падает и уже невозможно жить, заводить детей и вообще жизнь становится невозможной. Я сочувствовал молодой паре, но вступать в разговор не стал, так как прямого обращения ко мне не было. Молодая пара медленно поднялась, поправила одежду и медленно стала удаляться.

Мы с товарищем на другом конце скамейки остались вдвоем. Товарищ подвинулся ко мне поближе.

– Не узнаете? – спросил он меня.

Я взглянул на него. Это был мужчина моего возраста. Что-то в нем показалось знакомым, но где и когда я встретился с ним?

– Каменск-Уральский часто вспоминаете? – спросил меня сосед по скамейке. Я внимательно пригляделся.

– Тагир, ты?

Наша первая встреча состоялась более пятидесяти лет назад, когда я молодым специалистом приехал в Каменск-Уральский и был назначен начальником сталеплавильного участка Литейного завода. Самым молодым сталеваром был Тагир. Не каждого молодого человека допускали к сталеплавильной печи. Он уже имел четвертый разряд и по тем временам прилично зарабатывал. Бульвар Кереселидзе преподнес мне сюрприз, которого я от него не ожидал.

Тагир, улыбаясь, поднялся. Мы обнялись после пятидесяти лет знакомства.

– Борис Леонидович я кое-что о Вас знаю. А Вы обо мне точно ничего не знаете. А ведь я живу в Набережных Челнах с 1980 года. Я устроился на литейный завод. Я знал, что Вы работаете главным металлургом литейного завода. Несколько раз видел Вас, но из далека. Я работал в сталеплавильном корпусе. Один раз Вы шли с какой-то делегацией. Не один раз видел Вас в нашем корпусе, но подойти к Вас не решился. Вы разговаривали с каким-то солидным человеком и мне показалось, что вы говорили не на русском языке.

– Возможно, возможно. Но все же встретились. Ты на пенсии?

– Да. Уже двадцать лет как на пенсии. Я очень рад вас видеть.

Я смотрел на Тагира и не верил своим глазам. Увидеть человека, который видел меня молодым выпускником Уральского политехнического института, начинающего карьеру металлурга!? Это чудо из чудес.

– Когда Вы, Борис Леонидович, были на сталеплавильном участке, такой молоденький, культурненько, в Каменске-Уральском нам было интересно – сколько же вы у нас продержитесь. Мастера у нас горели на «фиалке». Это была жидкость для быстрого высыхания краски. Она получалась по технологии получения биметаллических тормозных дисков. Вы оказались идеально стойким к этому самогону. Стали жестко прижимать сталеваров. Сталевары растерялись. Изготавливать и пить самогон уже вошло в привычку, а тут какой-то мальчишка решил запретить это занятие.

– Да я помню эту историю. Когда меня директор Борис Иванович принимал на работу, он предупредил меня, что на участке есть такая забава, от которой страдало качество, план, на

участке творилось безобразие. Это была первая проблема, с которой я должен был разобраться. Вот я и разобрался. На заводе всех сталеваров называли «архаровцами». Сколько бы к вам не назначали мастеров, чтобы удержаться нужно было пить вместе со сталеварами. Сталевары заставляли мастеров пить «фиалку» и подчиняли их установленным правилам.

– Это было удивительно, что Вы не поддались сталеварам? Мы держали завод на поводке. С нами обходились почтительно. В столовой обслуживали без очереди. В буфете сталеварам давали повышенную норму колбасы. Уволить сталевара было очень трудно. Профсоюз защищал сталеваров. Бригадир нашей смены Черноскутов сунул мне бумажку и сказал: «Перепиши своею рукой и собери подписи». Черноскутова все боялись. Я тоже его боялся. Он вроде ласково говорил, а не сделаешь по его, он жестко мстил. Так на нашем участке появилась комиссия, которая рассматривала заявление четырех сталеваров на молодого специалиста.

Потом было разбирательство сталеваров с комиссией, на котором моим защитником выступил А.В. Черноскутов, а подписанты заявили, что никакого письма они не подписывали?! В итоге он выступил Вашим защитником и обвинил нас в безответственности, пьянстве и безобразиях.

Потом были оживленные воспоминания, «А помнишь...», «А помнишь...».

– Ну, как ты устроился здесь в Набережных Челнах? – спросил я.

– Я уезжал с Урала от не сложившейся личной жизни. Не складывались отношения с женой, – сказал он. – Не буду вдаваться в подробности, но кончилось тем, что я взял небольшой рюкзачок, оставил квартиру жене, а сам махнул в Набережные Челны. Получил работу, общежитие, задумался над будущим. Поступил на заочное отделение техникума. Стал бригадиром. Встретил девушку. Работала крановщицей. Летал на седьмом небе. Вместе на работе, вместе делаем завтраки и ужины, вместе мечтали о сыне. Вроде все складывалось хорошо. Но...

Тут Тагир замолчал.

– Потом была катастрофа... В корпусе, где был цех, где работала Наташа, столкнулись мостовые краны. Цех находился на 2-ом этаже. Кран на отметке 8.4 м. Загорелась кабина машиниста... Наташа прыгнула с высоты 8,4 м. на металлический пол... Она прожила полгода. Как я хотел, чтобы Бог дал – ей жизнь. Я стал набожным. Молился утром и вечером. Не пил ни пива, ни вина, ни водки. Я просил, умолял, носил в больницу фрукты и цветы. Жил одной надеждой лишь бы выжила Наташа... Не случилось. Я превратился в аскета. Не посещал концерты. Выходил из дома и шел в лес. Я шел до конца леса, виня себя за то, что не смог ее и сына спасти... Сына я увидел. Сейчас не пью. Не курю. На женщин не смотрю. Обливаюсь холодной водой. Очень-очень одиноко...

Мы долго сидели молча. Мимо проходили люди.

– Несколько раз видел Вас, как вы проходили по цеху с начальством. Но оставить рабочее место не мог. Потом я вас долго не видел. Потом увидел в телевизионной программе «Честь имею». Вас представили как профессора Камского политехнического института.

– Во что веришь?

– Только в труд, знания и справедливость. И еще – в любовь... Только всего этого в жизни очень мало. Исчезающе мало.

– Это оптимизм или пессимизм?

– Мне безразлично оптимизм это или пессимизм. По мне главное, чтобы простому человеку было хорошо, а не бездельников вроде блогеров.

– Суровое мнение.

– Специальность такая — сталевар. Перед лицом 1700 градусов сверхжара.

– К чему стремишься?

– Пытаюсь очиститься от потребительства, самообмана и лжи... Заврались, обожрались, богачей развелось... Ужас. А мы делаем вид, что не видели как воруют. Воруют миллиардами.

Смотреть на все это невозможно. Бороться? Но как? В стране один Бастрыкин борется. Остальные думают, что это их не касается.

– На Руси воровали всегда. Конечно, при Сталине так не воровали. Он выжигал люто. Тоже плохо было. Но по-другому на Руси, видимо, нельзя. Воров прижали. За аборт женщин садили. Длинные языки укорачивали. Конечно жестко было. Но уважение к Сталину у народа осталось. Помнишь, когда работали на заводе на Урале мы были в народном контроле. Я был председателем народного контроля, ты моим заместителем. У нас получилось. Лучший народный контроль был в Каменске-Уральском и в Свердловской области.

– Да, есть что вспомнить. Нам тогда и двадцать пяти лет не было. Плохо, что сейчас забыли про это. Похерили народный контроль. А зря, вот у кого работы было бы сейчас.

– Да, Тагир. Неисправимые мы были романтики. Деньги вытравливают все человеческое в душе человека. Мы пленники желтого дьявола. Сытость еще покажет себя.

– Идет поколение людей, которые не видело войны и слышали о ней краем уха. Почти ничего не знают как выживал и ковал победу тыл. Черствое поклонение. Легко отдали социализм. Без энтузиазма встретили капитализм. Живем без стержня и без идей. Впереди тяжелые потрясения. Я это чувствую сердцем. В деревнях старушки маскировочные сети шьют для СВО. Эти помнят войну. Любо посмотреть, а в городах все обзавестись машинами, коттеджами и сытостью. Новый Бог — деньги. Когда вышел на пенсию, задумался о жизни. Квартира есть. Машина есть. Садовый участок есть. А удовлетворения от жизни нет. Идей, целей, азарта нет. Противно стало. Для чего живу? Времени свободного много.

– Тагир, а кого ты считаешь сейчас лучшей частью нашего народа?

– Во всяком случае не чиновников, не богачей-хозяев. А вот наши служивые на СВО, закаленные огнем ребята — это герои. Я им завидую. Я бы пошел на СВО, но не берут по возрасту.

– А что ты смотришь по телевидению?

– Смотрю Никиту Михалкова. Его «бесагоны» — это хорошо сделанный материал. Смотрю Соловьева. Тоже мастер. Смотрю Бортко. Настоящий писатель. Образцом героя нашего времени считаю отца и сына Жогу... Историю России хорошо рассказывает Медынский.

– А как с нашей культурой?

– По мне — здесь катастрофа. Здесь больше всего флюгеров, стяжателей, алчных пискун-нов... Не верю блогерам. Это бессовестные в своей основе люди.

– Каких писателей и поэтов ты знаешь?

– А что — сейчас есть писатели и поэты? Я таких не знаю. С интересом смотрю Игоря Прокопенко и Анну Чапман. Пора разобраться с НЛЮ и устройством Вселенной. А формулы и смысла жизни у меня нет. Есть сын. Он тоже упакован по всем статьям. Сыт, одет, обут. Живет одним днем. А ведь проблем на производстве меньше не стало. Когда мы были школьниками нам рассказывали, что при капитализме была «эксплуатация» работающего человека.» Хозяин предприятия находил множество способов как эксплуатировать рабочего. Но когда мы с Вами работали на Урале, наш директор Борис Иванович имел оклад 300 рублей, он на партсобрании показывал свой партбилет, там был проставлен его заработок, так и я, сталевар 6 разряда, получал столько же, сколько директор большого завода. Вот это было справедливо и Борис Иванович этим гордился. Сейчас капитализм. На редком заводе есть профсоюзы. Да и те только подарки раздают по праздникам. Слова «эксплуатация» в школьных учебниках нет. А что это за русские «живут» на Кипре, Нице, Куршавеле, курортах Испании? Я бывал за границей. Там миллиардеры из России скупили роскошные виллы и даже уникальные замки в злых местах. Их дети сорят деньгами. Наворовали. Наэксплуатировали. Мне стыдно все это видеть. Нет у нас в стране Максима Горького. Некому написать новую «Мать». Гнетет все это меня. Я жил в другое время, когда уважали сталеваров. В заводской столовой кормили без очереди. Заработка хватало, чтобы ездить на «юга». Вот сейчас открыли тетракварки. Мне

интересно, кто мы отставшие в развитии или середнячки? А жизнь — это лидерство или мы заблуждаемся или нас дурят? Шаровые молнии мы наблюдаем, а ничего путного о них не знаем. А множество Вселенных? Мы кто? Потомки Адама и Евы? Потомки каких-то обезьян? Каменный палец, которому двадцать миллионов? Мы с другой планеты? Или мы искусственно созданные существа? Я готов читать Циолковского и Хокинга. Вот это настоящие писатели. Земля живая материи? Кто напишет об этом?

— А ты, что думаешь о том, куда мы идем?

— Борис Леонидович, я читаю Ваши публикации и вижу, что Вы мучаетесь этим вопросом. Жизнь — это игра, и мы только пыль на доске, на которой кто-то играет? Я знаю, вернее чувствую, что Вас тоже интересует судьба. Жизнь... «Черные дыры», микромиры, жизнь внутри Земли... Я даже заочно закончил физический факультет университета.

— Тагир, а как ты относишься к потребительству.

— У меня пенсия по нынешним временам не маленькая и легко мог бы увлечься потребительством. Но с отвращением отношусь к потребительству. Я вязальщицу-пенсионерку укрытий ставлю выше Киркорова. Для москвича это дико, но это моя душа. Я знаю в Днепрпетровске, Кривом Рогу (между прочим, крупный металлургический центр) и в других городах Украины множество колцентров, основанных на потребительстве и жадности. Мне звонят из этого центра. Вообще-то я не матерюсь. Но с этими идиотами я говорю только матом. Деньги, остающиеся у меня от пенсии, я высылаю больным детям.

— Тагир, а как ты строишь отношения с женщинами?

— Вообще-то серьезный мужчина на такие вопросы не отвечает. Я вас уважаю, но отвечать на ваш вопрос я не буду. Лучше скажите, вспоминаете вы Каменск-Уральский и наш сталеплавильный участок. Кого помните?

— Вспоминаю, ты не поверишь, каждый день. Вспоминаю тебя, Федю Оконешникова, отдел главного металлурга, где я работал перед тем, как уехал сюда, в Челны...

На расставание мы обнялись как однополчане. Он пригласил меня к себе на дачу. Дача была не берегу Камы. Все скромно и недорого. Все сделано своими руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.